

аустроазиатским субстратом (аустроаз. *domba*, *kutumba* и проч.), где их этимоны выражают идею кровных или брачных связей и идею размножения. Хотя лексема инд. *pətih* / *pəti* (< индоевр. **pot-/*potis*), связанная с цыг. *патив*, *пативало*, широко представлена в индоарийском словаре, в языке цыган нет самого слова **пату*, соответствующего индоарийскому этимону. Возможно, это связано с особенностями формирования индоарийского слоя населения, ставшего источником «протоцыганских» миграций. Так, в основном значении инд. *пату* «глава семейно-родовой группы» у цыган используется базовый соционим неарийской этимологии: цыг. *ром* «супруг, мужчина полноценного социального возраста». Возможно, поэтому лексема инд. *pətih* / *pəti* не была усвоена носителями «протоцыганского» индоарийского языка в ее основном значении. В то же время, существуют ее производные в формах цыг. *патив* «знаки статуса», и цыг. *пативало* «высокостатусный, уважаемый, обладающий постарными функциями», что можно рассматривать как маркер влияния арийской (индоарийской) культуры и языка.

СТОЯНОВА Галина Николаевна

Одесский национальный университет
им. И. И. Мечникова, г. Одесса (Украина)

КАТЕГОРИЯ «ВОЗРАСТ» И ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД (НА МАТЕРИАЛАХ БОЛГАР ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ)

Категория «возраст» – одна из основных, которая определяет место человека в народной культуре. Хотя среди этносов нет единого представления о биологическом возрасте, основой для всех есть следующая градация жизненного цикла: детство, юность, зрелость и старость.

Универсальность категорий «пол» и «возраст» в народном мировоззрении расширяют диапазон исследования половозрастной тематики в любом аспекте. Проследим, каким образом членение общества на возрастные группы отражается в похоронной обрядности, основываясь на полевом материале, собранном в болгарских селах Южной Бессарабии.

Незавершенность социализации, ее начальный этап, на котором находится ребенок, отразилась и на обрядах его погребения, которые характеризуются небольшим количеством обрядовых действий и ограниченным количеством их участников. Лишь достигнув года, новорожденный получал социальный статус ребенка. Родители ребенка не присутствовали на его похоронах, поскольку в традиционной культуре болгар именно один год является рубежным моментом завершения первого этапа социализации ребенка.

Специфичны также и похороны первого ребенка в семье. Тот факт, что родители не должны были знать, где похоронен их первый ребенок, можно связать с магической силой, которой наделяли первенца,

потому что именно он мог повлиять на судьбу последующих детей.

В случае смерти ребенка больших поминок не устраивали. На поминальном обеде могли присутствовать только его крестные родители. Зафиксирован обычай на поминки ребенка печь особый хлеб – *куличку* (отличался по размеру и форме от поминального карава, который пекли на поминки взрослого). Особенности похорон первого ребенка нашли свое отражение и в обычаях его поминания, в частности долго *жалеть* первенца нельзя (дольше 40 дней), иначе у матери больше не будет детей.

Одежда, в которую обряжали покойника, и цвет ткани, которой оббивали гроб, отражали в определенной степени возраст умершего. Особенности поминания его души тоже зависело от возраста. Возраст также служил одним из обстоятельств для деления покойников на «чистых» и «нечистых»: тех, кто прожил свой век, и тех, кто умер до срока (дети, молодые люди).

ТАДИНА Надежда Алексеевна

Горно-Алтайский государственный университет,
г. Горно-Алтайск

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА КАК «ИНСТРУМЕНТАРИЙ» ПРИ ОБЩЕНИИ С ИНФОРМАНТАМИ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АЛТАЙЦЕВ)

Среди современных алтайцев почти каждый по отношению к другому является родственником или свойственником и ведет себя с учетом того, к какому роду относятся он и окружающие – к сёоку отца (*карындаш сёёк*), сватовскому сёоку (*куда сёёк*) или сёоку матери (*таай сёёк*). Даже не знакомые друг с другом и проживающие в разных районах представители одного сёока (или родственных сёоков) считаются родственниками. Собирая полевой материал о традициях общения алтайцев, я обычно обращаюсь к своим информантам, учитывая их принадлежность к сёоку и, в соответствии с этим, использую термин родства. Обычно мужчину из сёока моей матери, независимо от возраста, я называю *таай* («дядя по матери»), а женщину старше меня или бабушку из моего сёока или родственного сёока, а также из сёока моего мужа, зову *эжебис* («наша старшая сестра»). Использование термина родства при обращении к старшим выражает уважение, признание роли старшего. В свою очередь, обращение к младшим с использованием термина родства выражает внимание, желание оказать помощь, что проявляется в содействии моих информаторов в сборе полевого материала. Соблюдение принятых норм общения позволяет во многом сократить дистанцию взаимопонимания между мной как этнографом и информантом. Необходимость учитывать принадлежность каждого к сёоку дает ориентир в достаточно сложных (с точки зрения человека европейской культуры) правилах общения у алтайцев.